

АНДРЕЙ ПОНОМАРЕВ

ИМЯ И ИСКРА

Андрей Александрович Пономарев

Имя и Искра. Том I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72000370

SelfPub; 2025

Аннотация

Имя – это магия. Искра – это цена. Книга – это ты.

Когда деревня Андрея сгорает в пепле, а его родители исчезают в цепях Возчиков, парень остаётся с тем, что не просил: Искра внутри, готовая сжечь всё, и книга, которая знает о нём больше, чем он сам. Чтобы найти тех, кого забрали, он должен дать этой книге – и себе – имя. Но каждое слово, написанное кровью, требует плату: чувство, воспоминание, голос...

На пути – академия, где не выживают без шутки и щита. Орден Пустоты, где молчание громче заклинаний. Башни-иглы, где стражи поют железом.

И Сердце, которое зовёт его настоящим именем.

Чтобы выжить, придётся забыть. Чтобы спастись – заговорить Шуму.

И всё это в мире, где цена магии – то, что делает тебя человеком.

Содержание

ГЛАВА 1. КОГДА ВСЁ ПОШЛО В КРОВЬ	4
ГЛАВА 2. ГВОЗДЬ, ГОЛОС И ГОСТЬ В КАПЮШОНЕ	9
ГЛАВА 3. НАСЛЕДНИК КРОВАВОЙ ЛИНИИ	12
ГЛАВА 4. БРОДЯГА С МАГИЕЙ И КЛОПАМИ	15
ГЛАВА 5. КРОМГРАД И МРАК БЮРОКРАТИИ	22
ГЛАВА 6. АКАДЕМИЯ ДЛЯ БЕЗУМЦЕВ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Андрей Пономарев

Имя и Искра. Том I

ГЛАВА 1. КОГДА ВСЁ ПОШЛО В КРОВЬ

Солнце только вспыхнуло над зернистой линией сосен, когда Андрей вышел за околицу проверить силки. Влажный туман еще держался между пеньками и медленно укутывал поле ячменя. Пахло подпревшей соломой и сырой ржой – привычная, успокаивающая смесь. Но сегодня эту картину портило пятно. Чёрный круг – выжженный до голой глины – пропахал ровно два метра в диаметре среди колосьев. Колосья вокруг закрутились спиралью, будто кто-то огромной ладонью прижал их к земле, а в самом центре лежали три линии пепла. Линии сходились углом, повторяя герб, который Андрей видел только в зашэптанных на постоялом дворе слухах: острая лилия на полумесяце – клеймо рода Кранштейнов.

Андрей присел, потрогал землю – ещё тёплая. Кто-то работал огнём ночью, совсем рядом. Судя по резкому запаху озона, это не трава догорела сама.

«Если Кранштейны уже здесь, деревня не продержится до

утра», – мелькнуло, но он оттолкнул мысль, затёр серой глиной герб и побрёл домой, притворившись, что ничего не видел.

Полдень, трактир «У тётчи»

Деревня гудела перед ярмаркой: рыбаки спорили о цене салаки, женщины снимали с печей коржи. В этот гомон въехал запылённый обоз – четверо вагонов, тянутых лохматыми тяжами. На бочке последней телеги сидел высокий бродяга в сером плаще и отстукивал каблуком сухой такт.

– Кто по дороге встречал стальные колёса? – бросил он, не слезая. Голос сиплый, а глаза – как два скола льда.

Селяне переглянулись.

– Колёса да и колёса, чего рвать глотку? – хмыкнул кузнец.

– Не деревянные, а чёрный металл, – терпеливо уточнил бродяга. – Слыхали? Скрипят, будто костей просят. Я видел борозду от них три мили к северу.

Кузнец замолчал. Андрей почувствовал, как прохладой обдало затылок: рассказ слишком напоминал ночной знак.

«Возчики...» – выдохнул он беззвучно. Легенды говорили, что такие телеги ходят впереди карательных отрядов рода Кранштейнов.

Но дальше разговор ушёл в спор о цене овса. Никто больше не слушал странника.

Сумерки

Андрей стоял на крыше амбара и латал щербатую доску, когда в долине заголосил ворон. Птиц было много, они ру-

шили небо чёрным вензелем и кричали так, будто предупреждали – беги.

Отец вышел во двор, поправил лямки упряжи и прокричал:

– Слезай! Поужинаешь и доспим завтра.

Андрей собирался ответить, но в этот миг они вышли из леса.

Никто не гнал лошадей, они шли неспешно, колеса тяжелых фургонов не поскрипывали – стонали, оставляя в пыльной дороге следы расплавленного железа. Передний всадник держал знамя: лилия на полумесяце.

– Мама... – прошептал Андрей.

Возчики рассыпались цепью. Их шлемы без налобников показывали лица: чужие, бледные, пересушенные, как старые шахтёры. Каждый вёл на плети собаку с серебряными клыками.

Фугас тишины ударил по двору. В это мгновение – будто кто-то вырезал звук – пропали и сверчки, и ветер. Андрей слышал только сердце.

Тук-тук-тук.

И ещё один звук – прерывистый треск, как если бы жилистый канат лопался внутри груди. Искра.

Он помнил об огне в ячменном поле, он помнил рассказ странника, но только теперь оба предвестия сложились в одно слово: «охота».

– В доме! – крикнул отец. – В погреб!

Но не успел.

Псов выпустили первыми. Серебряные клыки встретились с дубовой дверью амбара, и та раскололась, будто из струганной стружки. Собака ударилась о стену, но сразу вскочила, царапая когтями воздух, и этот скрежет прорезал тишину.

Андрей упал с крыши, перекатился по соломе и встал, держа вилы так, будто это пика. Вилами он мог бы держать одну собаку, но их было трое. Даже пять, понял он.

– Березовец, сдавайся, – сказал всадник по-чужому. Акцент ломал каждое «р», вытягивал «с». – Мы возьмём лишь то, что принадлежит нам.

Отец поднял топор.

– Забирайте колёса и валите, – выдохнул он.

Всадник рассмеялся. Смех был без звука: только плечи вздрагивали. Затем он щёлкнул пальцами.

Искра – Андрей чувствовал её всей кожей – будто отозвалась на этот щелчок. Чужая, жгучая, липкая. Что-то ползло ему под рёбрами, словно ртутный червь.

«Беги, » – приказал голос в голове. Он был не отца, не матери. Свой.

В следующий миг псы рванули. Андрей метнулся к двери дома, но взгляд зацепил мать: она стояла под крыльцом, прикрывая собой младшую сестру.

«Защитить деревню и семью – не умереть.» Цель сияла перед глазами ярче пламени.

И Искра принялась за работу.

Дальнейшие события – кровавый огонь, крик, белое пятно из-за перегоревших глаз – размыты. Но Андрей запомнил, как тело своего первого врага упало на землю, как кровь вспыхнула вокруг рисунком той же лилии, и как родители, закованные в стальные ошейники, исчезли в сером чреве телеги без окон.

Когда тишина вернулась, деревня горела, а в Андрее стучали две судьбы: его собственная и чья-то чужая, проснувшаяся вместе с Искрой.

ГЛАВА 2. ГВОЗДЬ, ГОЛОС И ГОСТЬ В КАПЮШОНЕ

Пепел ещё теплел, когда сквозь сизый дым прорезался первый луч. Андрей стоял посреди двора-группа Березовца, стискивая деревянную куклу сестры – единственный уцелевший предмет. В груди тяжело стучало: сила, пробудившаяся ночью, не спала.

У обугленной балки лежало тело того самого Возчика. Сталь нагрудника почернела, но из щели в металле торчал длинный железный гвоздь – будто чужая рука прибила человека к броне. Андрей, не веря себе, ухватил гвоздь и дёрнул.

В рывке вспыхнуло чужое воспоминание.

...каменный мост над рекой цвета ртути; под аркой – фонтари-черепа, а вдоль стены выжжены слова: «Кровь старше имен»...

Мгновение – и жара, будто в сердце плеснули кипятком. Андрей пошатнулся, гвоздь выскользнул, видение погасло. На наконечнике трепыхалось тёмное клеймо лилии на полу-месяце.

Это дорога к родителям, – шепнул собственный страх.

Он оттащил мёртвого к обочине, накрыл брезентом. Похоронить всех – не под силу, но тело первого убитого должно уйти в землю, чтобы грядущие шаги не вязли в вине.

К полудню Андрей собрал жалкие пожитки: нож-серповинку, потрёпанный плащ, крошечного серебряного петушка – оберег матери. Дом, лишённый стен, больше не был домом, и оставалось только одно: идти.

Из-за почерневших яблонь вышел путник в сером капюшоне. Тот самый странник, что накануне расспрашивал о металлических колёсах. Он молча зачерпнул из колодца, пристально глядя поверх чаши.

– Парень, живых в деревне двое: ты и я, – он говорил хрипло, будто ржавым железом. – Значит, разговор у нас будет короткий.

– Я не ищу собеседников, – Андрей поднял вилы.

– А ищешь ты родителей. И путь твой лежит на запад, к реке Ртуть. Угадаю ещё?

Андрей медлил; капюшон скрывал лицо, но глаза – резкие, бледно-серые – словно знали ответы, которых он сам ещё не успел придумать.

– Зовут меня Чеслав. Три года я возил товар через Графство, – продолжил путник. – Видел таких гвоздей у ворот их цитаделей. Кто-то прибывает ими должников, кто-то послов. Родителей твоих увели живыми, потому что нужна кровь, не души.

– Откуда ты знаешь?

– Кранштейны не любят пустой трат – ни стали, ни жизней. Жертва жива, пока в ней течёт искра рода. А в тебе – та же искра.

Андрей сжал гвоздь так крепко, что костяшки побелели. Под пальцами пульсировало едва заметное тепло.

– Покажи дорогу, и я заплачу, когда их верну.

– Заплатишь? – Чеслав усмехнулся. – Деньги я беру, но важнее иное: когда придёт час, ты слушаешься указаний. Пока не научишься держать силу, каждый неверный вдох может превратить тебя в костёр.

Андрей кивнул – соглашение без рукопожатия. Договор кровью уже был на месте.

Под вечер они сложили тела односельчан на одну длинную погребальную гряду, засыпали киммерийской глиной, оставшейся после пожара. Андрей вбил железный гвоздь в грудь камней, как немой маяк: я вернусь, когда долг исполнен. Затем прислонил к шрамированной балке куклу сестры.

– На рассвете двинем к Кромграду, – сказал Чеслав. – Там найдём того, кто научит твою искру не рвать сосуд.

Андрей оглянулся на тёмный силуэт деревни, где больше не светилось ни одного окна.

– Я дойду до Графства и заберу их, – прохрипел он. – Клянусь этим гвоздём. Если сила вновь вырвется, направлю её лишь на тех, кто носит лилию на полумесяце.

Ветер от северного леса подхватил золу и унёс вверх, как стаю серых мотыльков. В сумерках два путника двинулись вдоль забытой дороги. В кармане, рядом с куклой и перчаткой без пальцев, железный гвоздь тёпло настукивал своё безмолвное тум-тум-тум – не давая позабыть о долге.

ГЛАВА 3. НАСЛЕДНИК КРОВАВОЙ ЛИНИИ

Туман тянулся ленточкой вдоль дороги.

– Нравится мне эта погода, – буркнул Андрей.

– Волшебное сочетание «сыра мокрого» и «носки-в-лу-же».

– Лучше мокрые носки, чем мокрые лёгкие, – отрезал Чеслав, рассекая камыш посохом. – Это ты сейчас шутил?

– Нет. Я так разговариваю с людьми, которых ещё не похоронил.

Андрей вздохнул: шутник из спутника вышел, как из якоря балерина.

– Ладно. Чему учит дорога? – Первое правило караванщика: когда лес стихает, значит, кто-то в нём громко дышит.

– И что мы делаем?

– Дышим тише.

У ржавого шлагбаума они развели костёр в яме. Андрей прислонил к вилу плащ Возчика. Ткань мерцала инеем печатей.

– Зря выставляешь сувенир, – проворчал Чеслав. – Приманка для любителей острых ощущений.

– Это мой проводник по злости, – сказал Андрей.

– Пока он здесь, я помню, зачем не сплю.

– Удобно. Я, бывает, забываю, зачем не сплю, когда клиенты храпят. Пришлось завести тетрадь: «не сплю, потому что живой»...

Нарезая вяленое мясо, Чеслав бросил юноше полоску.

– Жуй. Обычно я предлагаю гостям вино, но после ночи с горящими домами ты на вино не похож.

– Спасибо, это лучшая характеристика моего лица за день. Ночью у колокольни Андрей положил гвоздь на ладонь идола. Видение хлынуло, как вода из дырявой крыши. Он вскрикнул.

– Что, снова галлюцинации? – раздался голос Чеслава.

– Белые всадники, черепа, чужой плач... обычное утро понедельника.

– Радуйся. Мой понедельник как-то начал разговором с ожившим трупом бухгалтерши. По сравнению с ней плач – развлекательная программа. Утром капель тумана свисала, как лапша. Чеслав подкинул Андрею два медных жетона.

– Стража любит форму, не содержание. Эти поблѣкли, но блеск медяшек вдохновляет чиновников.

– А если кто-то спросит имя? – Скажешь, что смущаешься при посторонних. Чиновники уважают личные границы, если им сунуть нужную монету.

– Значит, долг? – Маленький. Как ранняя седина: сначала одна волосинка, потом— бац! – ты уже мудрец.

– Обнадѣжил, спасибо.

– Пожалуйста. Первое занятие наставника: подбодри уче-

ника, пока он ещё способен смеяться. Андрей сунул гвоздь в защёлку инеевого плаща. Искра внутри тихо хмыкнула – будто поддерживала новый жанр

«дорога-комедия-с-элементами-твоего-внутреннего-апокалипсиса».

ГЛАВА 4. БРОДЯГА С МАГИЕЙ И КЛОПАМИ

К полудню дорога подошла к пролому в ландшафте: овраг тянулся, как рваная рана, поросший корнями и шипастыми побегами. На дне клубился туман, будто кто-то застелил реку молоком.

– Добро пожаловать в Хищные Эха, – объявил Чеслав. – Здесь звук любит повторяться, но не любит возвращать.

Андрей скептически посмотрел вниз.

– Ты сейчас поэтичен или пугаешь?

– Информую. Эхо может исказить слова, задать вопросом, на который не хочется отвечать вслух. Главное —

– Молчать? – подхватил Андрей.

– Нет. Главное – отвечать тихо, чтобы свои же крики не порвали тебе лёгкие.

Он закрепил верёвочную лестницу за корнем дуба и первым скользнул в серое марево. Андрей последовал, слыша собственное дыхание так громко, будто внутри черепа кто-то бил ложками по котлам.

На середине спуска туман кормчал глотки, и первое эхо вышло встречать гостей:

– Кровь... – шёлковый шёпот, похожий на мамин, если бы мама пела колыбельную в погребке.

– Не твоя, – ответил Андрей шёпотом. Сердце ухнуло, но Искра отозвалась жаром в венах: жив.

Эхо затихло, будто сытый зверёк отвалился от груди.

– Сработало, – хмыкнул Чеслав. – Если бы сказал громко, услышал бы вторую цену. Обычно – дыхание.

– Звучит... недёшево.

– Дорога богата на скидки, если слушаться инструкций наставника, – сухая ухмылка под капюшоном.

На дне оврага была топь. Глина всасывала сапоги, оставляя хлюпающие, негромкие круги. Чеслав остановился у тёмного обломка.

– Смотри, – он поднял предмет: полумесяц серебряного клыка.

– Псы Возчиков? – Андрей понизил голос.

– Вот и первая реальная погоня. Их, видимо, отвели стравить след, чтоб не грызли выживших преждевременно. Хорошая новость: псов всего трое-четверо. Плохая: они любят работать в тандеме с хлыстами-оголосками.

– Что за оголосок?

– Представь себе скорлупу живого крика. Или колонку, которой вырвали провода, но батарея осталась. Услышишь резкий лай – ложись.

– Лай? это звучит... шизофренично.

– Я бы сказал «здорово» – если бы желал нам закончить путешествие здесь. – Чеслав перебросил клык Андрею. – Держи. Талисман от укусов.

– Он отгонит псов?

– Нет. Но даст тебе пару секунд на размышления: «а не зря ли моя шея опять знакомится с хирургией».

По ту сторону оврага дорога врезалась в заброшенную часовню-каменушку. Шпиль наклонился, как пьяная шпажка, но двери стояли.

– Три стены, крыша и святая невидимость для ночевки, – объявил Чеслав. – Что скажешь?

– Скажу, что если внутри клопы, на этот раз плата наставнику удвоится.

– Приму клопов натурой.

– С тебя квитанция.

Чеслав ухмыльнулся, сдвинув капюшон. В синем сумерке глаза блеснули – серые, насмешливые.

Внутри пахло сухой ладанкой и больничной пылью. В центре алтаря – громадный каменный жернов, треснутый пополам.

– Говорят, Святой Жернов молот грехи, пока его не раскололи тем, кого мел.

– С ранних лет мечтал о такой жерновке. Заживём – размелю себе зависть соседа.

– Главное – не забудь принести раскаянье, а то получится мука с камнями.

Они разожгли огонь из старых подсвечников, сварили кашу из трёх зёрен и той же железной кружки. Андрей впервые засмеялся вслух, когда Чеслав деловито объявил каше:

«Прости, милая, за отсутствие соли; наша лавка специализируется на послевкусии безнадёги».

Ночь оказалась короче, чем хотелось. Сначала послышался лай – не псов, а самого воздуха: короткий, резаный... Чеслав метнулся к двери, вскинул посох.

– Оголосок!

С наружной стороны что-то ударило в створку: бах-бах-бах – и тишина. Андрей зажал в кулаке серебряный клык, почувствовал покалывание: магия внутри металла ползла вверх по коже.

– Не высовывайся, – шёпотом Чеслав. – Они ждут движение.

Скрип-скрип. Дверная щель закапала копотью: чужая искра псов растворяла железо.

– Долго мы без движения?

– Две-три минуты, пока песики сожрут петли. Потом – десять секунд, чтобы вспороть им брюхо и бежать.

– План вдохновляет.

– Я редко предлагаю унылые.

Дерево хлопнуло, насквозь подождённое. В проём полез пёс – белый, как снег, клыки длиннее пальцев. Чеслав ударил посохом – эхо громынуло, раскалывая тишину. Пёс взвыл, искривился дугой.

Андрей бросил клык. Металл сверкнул и впился псу в горло, будто магнит. Секунда – и зверь обмяк: кровь кипела, превращаясь в чёрные пузыри.

– Бежим! – рывкнул Чеслав.

Они метнулись через обрушившуюся заднюю стену и нырнули в кусты. Сзади всё ещё вибрировал лай-эхо, но становился слабее: будто зверь терял голос.

– Один готов, двое за нами, – прохрипел Чеслав.

– На каждого пса – по острому словцу, – ухмыльнулся Андрей, чувствуя, как Искра внутри скачет электрической змеёй.

– Дельный план. Только давай сначала выживем. Потом – любые словечки.

С этими словами они скрылись в зарослях. За спиной часовня осела, будто выдохлась, а расколотый жернов с шипением догорел свечой – святой молох изъеден магией псов.

Свистала утренняя сырость, когда Андрей и Чеслав выбрались из зарослей к ручью. Небо всё ещё подрагивало от отголосков ночного эха, но в воздухе пахло только мокрой крапивой.

Чеслав опустил на корягу, проверяя щербатый посох.

– Скажи честно, – начал Андрей, – это у тебя обычная смена караула? «Доставь груз, поругайся с призраками, покорми собак своим сердцем»?

– Не преувеличивай: сердце – дорогой деликатес, – усмехнулся наставник. Он достал из сумки крошечный пузырёк. – Сожгло руку, когда бил оголосок. Намажь, если где-то похожий зуд.

– Спасибо, доктор. А побочные эффекты? Вырастает вто-

рая Искра и требует отдельного кошелька?

– Побочный – странные сны. Видишь кота без головы – передай привет и просыпайся.

Андрей плеснул воды на ладонь, смывая сажу. На запястье темнело нечто, похожее на клеймо – тонкий отпечаток клыка.

– Знак красивый, – заметил Чеслав. – Будет что показать деканам вместо рекомендации.

– Прекрасно. Сразу запишут на факультет «Беговых Царапок».

Над кустами прошелестела дроздовая стая. Андрей осторожно спросил:

– Думаешь, псы вернуться?

– Вернутся – будут злее: чуют, что твоя кровь дерётся. Но мы оставили хороший запах жжёного железа. Возчики не любят тратить товар дважды.

– А если любят?

– Тогда придумаем, как их разубедить. До Кромграда день пути: бюрократия хуже собачьих клыков. Сравним страхи на местности.

Он встал, хлопнул Андрея по плечу.

– Радуйся: первую совместную ночь пережили. По караванным меркам – это уже дружба, остаётся пережить налогового сборщика, и можно звать родственником.

– Чудно. Возьму это за тост, когда найду что пить.

Дорога звякнула галькой под сапогами. Искра внутри Ан-

дрея горела ровным, упрямым огоньком – будто напевала себе под нос: ещё шаг, и счёт сравняется.

ГЛАВА 5. КРОМГРАД И МРАК БЮРОКРАТИИ

Кромград вырос из тумана, как рассерженный улей: башни-свечки, стены-точилки, флаги цвета недоплаченных налогов. Перед городом – каменный мост на сорок арок, каждая арка посвящена отдельной пошлине.

– Первая за воздух, вторая за перспективу, третья... сам удивишься, – сказал Чеслав. – Главное: улыбайся так, будто любишь заполнять формы.

– Я умею любить до двух печатей. Потом начинается кризис доверия, – буркнул Андрей.

Очередь тянулась, как старый ремешок: торговцы с клетками кур, паломники с бронзовыми медальонами, один чародей-агроном, уговаривающий тыкву не плесневеть на глазах. Искра у Андрея щекотала рёбра: «прибыльная толпа, если взорваться».

– Тихо, тигр, – шепнул он себе.

У входа стояла будка с латунной вывеской: Здесь убивают время и рожают бланки. Внутри – окно № 7, за стеклом – клерк-бакенбарда, похожий на тюленя, добытого из чернильницы.

– Цель визита? – глухо.

– Торговля спецтоваром, – ровно отчеканил Чеслав, про-

тягивая медный жетон.

Клерк поднял лупу: – Жетон пятилетней давности. Требуется актуализация или сознание вины. Что выбираете?

– Сознание у нас всегда при себе, – ответил Чеслав. – И форма R-13-«а». Заполню быстрее, чем вы успеете сгрызть печать.

– Сгрызть печать – прерогатива инспекции, – уточнил клерк. – Форма имеется?

– У ученика, – Чеслав кивнул на Андрея.

Андрей достал перо, которое казалось самым честным инструментом в радиусе мили, и начал заполнять: товар – «культурный обмен»; происхождение – «не подлежит расшифровке до свидания». Перо чесалось, будто хотело написать правду, но чернила жалели бумагу.

– Подпись кровью? – поднял бровь клерк.

– Диетическая, – улыбнулся Андрей и проколол палец. Капля зашипела, лягла на печать и... расцвела узором лилии на полумесяце.

Искра взвизгнула током.

Клерк побледнел: – Кровь редкой категории. Требуется эскорт в зал алхимической проверки.

– Проверка три дня, – тихо сказал Чеслав. – За три дня товар испортится, а очередь вырастет до предместий. Неприятный прецедент.

– Прецедент – моя смена, – выдохнул клерк. – Ладно. Временный проход с отметкой «нестабильный». Платёж за риск

– один серебряный.

Чеслав молча положил монету поверх бумаги. Клерк присыпал печать толчёным воском: узор лилии исчез под слоем серой муки.

– Проходите. Но если покинете город без перерегистрации, вас догонит форма R-13-«б». Она кусается.

– Люблю документы с характером, – кивнул Андрей.

За воротами воняло кипящим льняным маслом и криком колесного мастера. Корчма «Ось и Осенняя Депрессия» подавала хлеб с налогом на корку.

– Отдых час, потом к Академии, – сказал Чеслав. – Мне нужно к знакомому переписчику, вытравить лишний герб из бланков.

– Я найду нам столик без клопов. Два стула – по цене одного рассказа.

– Только без драк, – вздохнул наставник. – И без споров с философами-пиароедами.

Андрей вошёл; на пороге его встретили два студента-алхимика, спорившие, горит ли душа синем или бирюзой.

– Бирюза дороже краски, значит, бог одобряет, – лекал один.

– Бог одобряет коэффициент сопротивления, – огрызнулся второй.

– Господа, – вмешался Андрей, – у души пламенный курс валют: сегодня в моде серый налоговый.

Алхимики переглянулись, измеряя шутку штангенцирку-

лем, и отступили. Андрей занял стол у стены.

Официантка принесла квас, который пытался быть пивом, и хлеб, который стеснялся быть мукой. На запястье девушки – свежий шрам: тонкая дуга, будто прикладывали клык.

– Возчики? – тихо спросил Андрей.

Она вздрогнула: – Вы тоже из Заречных? Поползли слухи, что они ищут мальчишку с огнём в венах.

– Слухи – лучшие почтальоны, – вздохнул Андрей.

Девушка оставила кружку с крошечной запиской внутри: «Они уже в городе. Будь тише эха».

Искра в груди щёлкнула, как замок.

Чеслав уселся напротив, бросил на стол смятый пакет.

– Печати вытравлены. Но слухи бегут быстрее кислот. Говорят, к южным воротам въехал вагон с чёрными колёсами.

– Значит, псы сменили конвоиров.

Чеслав кивнул: – До Академии нужно добраться до заката, пока город не закрылся на магический комендантский час.

– Идём через рынок?

– Через катакомбы. Там меньше света, зато больше вопросов «зачем вам факел». Сможешь держать искру на низком газе?

– На уровень «притворяюсь свечкой» – да. На «не горю вообще» – придётся врать.

– Врать бюрократии – проще, чем ворчать над налогом на хлеб.

Они вышли под серое небо. Башни-свечки, мостовые-точилки – всё казалось каменным вокалом, который готовился спеть: Документы, пожалуйста.

ГЛАВА 6. АКАДЕМИЯ ДЛЯ БЕЗУМЦЕВ

Ночной Кромград сиял хромым светом фонарей, но под его плитами пролегалo другое сердце – катакомбы, где мраморные плиты хранили имена выпускников, умерших до защиты диплома. На одной была выгравирована эпитафия: «Упал в обморок во время аплодисментов».

Андрей и Чеслав шагали между нишами с портретами, освещая путь одним тёплым кристаллом. Воздух пах пылью, прелыми диссертациями и слабым грибным отчаянием.

– Смотри под ноги, – шепнул наставник. – Если прова-
лишься в магматический канал, не сможешь объяснить ин-
спектору, почему на тебе отсутствуют брюки.

Андрей ухмыльнулся, но через три шага действительно наступил на плиту-рычаг – из стены выдвинулся бюст профессора Агаты

Рукопожигательницы. Бюст открыл глаза и потребовал: «Семейное древо и тему диплома!»

– Практическая некрология, – быстро изобразил Чеслав. – На тему: «Сколько студентов нужно, чтобы осветить трактат по пиромантии?»

Бюст кивнул, спрятался обратно.

– Тема одобрена, – усмехнулся наставник. – Помни, здесь

всё решают заявления с уверенностью.

У выхода из катакомб стояли медные ворота, на которых играла зелёными тенями проекционная гравюра. Чудовище с птичьим черепом держало весы: «Сделай выбор – правая чаша или левая; вторую потеряешь навсегда».

Чеслав вздохнул: – Левые весы – дверь к библиотеке, правые – напрямую к факультету «Искажённые». Экономим время, рискнем правым.

– Потеряем что?

– Что-нибудь ценное, обычно иллюзии о себе. Некоторые теряют способность петь без фальши.

– Я и так пою, как мокрая крыса, – пожал плечами Андрей.

Он коснулся правой чаши. На мгновение почувствовал, будто кто-то вынул из груди тёплый камешек. Дверь раскрылась: почти не больно.

– Что потерял? – кивнул Чеслав.

– Кажется, больше не верю, что могу прожить без приключений. Ну и славно.

Двор академии встречал запахом утреннего кофе, пороха и полированного самомнения. На арке висела лозунг-табличка: «Психическое здоровье сдавать в камеру хранения. Получить назад можно по расписанию стихийных бедствий».

Сразу внутри – огромный борд с доской позора с объявлениями факультетов:

Алхимия запахов – «Ищем добровольцев перенюхать семнадцать оттенков серы. Звание „Герой носа“ прилагается по-смертно».

Хронография – «Опоздать на пару веков – не повод снижать оценки!»

Факультет «Искажённые» (уголок весь исшаркан):

«Собрание первокурсников перенесено заранее на вчера»;

«Если ваша форма изменила цвет без спроса – поздравляем, вы сдали зачёт по спонтанной колористике»;

«Внимание! Врата в Голубиный Коридор закрыты после того, как коридор начал взлетать».

Куратор приёмной коллегии – женщина-кошка (хвост подвязан брошью, чтобы не выражать эмоции слишком явно) – выплыла навстречу.

– Господа потенциально-взрывные? – мурлыкнула она, окидывая взглядом Андрея и Чеслава.

– Мы лишь слегка искрим на поворотах, – попытался пошутить Андрей.

– Превосходно. Факультет «Искажённые» ценит нестандартный угол развала личности. Вам необходимо заполнить форму В-42 «Согласие на неожиданную мутацию» и JW-90 «Отказ от права требовать возврата внутренностей в исходное состояние». Успеете до обеда – получите талон на бесплатную противоистерическую кашу.

Она вручила бланки величиной с пикник-одеяло. Попро-

сы стартовали бруднично: «Имя, возраст, род занятий», но финишировали бодрее: «Отметьте галочкой, что вы предпочтёте: (а) лишиться ног, но обрести способность разговаривать с чернилами; (б) лишиться иллюзий, но обрести устойчивость к кислому сарказму; (в) обменять один внутренний орган на два внешних – объясните каких».

– Я ставлю «б», – шепнул Андрей. – С сарказмом у меня тёплые отношения.

– Добавь смайлик, – подсказала куратор. – Бюрократия любит, когда над ней смеются вежливо.

Неподалёку крутился стенд «История факультета „Искажённые“ – сокращённая до выноса мозга»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.